

Гуманитарият,
или
о месте интеллектуалов в социальном пространстве

1. Интеллектуалы: кто они, и сохранились ли?

*«Так именуют тех, чьим ремеслом является
размышление и преподавание своих мыслей...»*

Жак Ле Гофф,

«Интеллектуалы в средние века»

*«Те, для кого высшей ценностью являются поиски
Знания, его сохранение, распространение в
социальной среде и передача последующим
поколениям...»*

К. К.

Тема «интеллектуалы и их место в нашем мире» (и как ее составляющие – «интеллектуалы и власть» или «интеллектуалы и масса») могла бы считаться уже не только банальной, а прямо-таки неприличной в «приличном интеллектуальном обществе», если бы не... ..если бы не её невообразимая важность для современности.

И дело не только в том, что в очередной раз возникает вопрос: что должны делать интеллектуалы в современном мире, и – как они должны относиться к власти в современных государствах, а в том: *а остались ли они вообще?*

Можно ли считать «интеллектуалами» тех, кто оставил независимое производство интеллектуального продукта и подался в наймиты государства, бизнеса или «псевдоинтеллектуальных структур», в которые превратились университеты, академии и «независимые союзы»? Или мы должны по традиции, принятой из Античности – вспоминая Сократа, Гераклита, Диогена (но не Аристотеля!), через средневековый расцвет – ко временам Просвещения и модернизированной эпохе «бунта толп» (так называемого «восстания масс»), – считать истинными интеллектуалами лишь независимых мыслителей, не продающихся ни тиранам, ни магнатам?

То есть интеллектуалы, естественно, всегда предлагали свой интеллектуальный продукт власти, и даже были рады, когда она его использовала. Вопрос всегда заключался в другом: работал ли «производитель интеллектуального продукта» по собственной воле, следуя путями Поиска истины, создавая свой продукт, сотканный из размышлений, и передавая его в распоряжение всего общества (включая и власть), но прежде всего – своих учеников – в качестве Мэтров (его-то мы и будем называть «независимым интеллектуалом»); или же он работал по заказу, забыв о свободе творчества и свободе использования его интеллектуального продукта в интересах общества, становясь в этом случае «наемным интеллектуальным работником»?

Тогда – остались ли интеллектуалы *вообще* – как вид, – или мы должны констатировать их почти полное вымирание?

Итак, первая гипотеза, которая может нам помочь в дальнейших построениях, заключается в следующем утверждении: интеллектуалы как вид независимых мыслителей почти вымерли, шансы встретить их в естественных условиях крайне малы, но *они всё-таки ещё где-то есть...* Гипотеза смелая, ничем и никак не подтверждённая, но если она не верна, то мы должны будем поставить на этом точку, и забыть об «интеллектуалах» навеки.

2. Интеллектуалы и власть.

*«И сегодня роль интеллектуала состоит не в том, чтобы, пройдя “немного вперед” или слегка отодвинувшись “в сторону”, высказывать за всех безмолвную истину, а скорее, наоборот, в том, чтобы **бороться против всех видов власти там, где он сам представляет собой сразу и объект, и орудие: в самом строе “знания”, “истины”, “сознания”, “дискурса”**».*

М. Фуко

«Интеллектуалы и власть»

Отношения «интеллектуалов и власти» всегда были относительно просты: союз, оппозиция, уход и альтернатива.

В случае *союза* интеллектуалы всегда пытались сохранить дистанцию: если они окончательно переходили на службу к власти, они переставали быть «независимыми интеллектуалами» и становились «интеллектуальной прислугой»; если же им удавалось соблюдать дистанцию и предлагать свой интеллектуальный продукт власти, но – одновременно (!) – передавая этот же самый продукт всему обществу, они оставались «интеллектуалами».

Конечно, в интеллектуальной среде всегда присутствовала некая тоска по просвещённому и «гуманитарному» монарху вроде Лоренцо Великолепного, но сами же интеллектуалы прекрасно понимали всю противоречивость поддержки такого режима.

В случае с *оппозицией* ситуация складывалась примерно так же: как только интеллектуал превращался в настоящего политика-оппозиционера, он, по большому счёту, утрачивал истинную «независимость» и становился, иногда сам того не желая, на службу неким политическим силам, иногда – весьма благородным, - но представляющим всего лишь иную по отношению к существующей власти идеологическую точку зрения.

Если ему, опять же, удавалось сохранить определенную дистанцию от всех политических сил, он оставался «независимым интеллектуалом», несмотря даже на формальную принадлежность к «оппозиционным партиям».

Уход, пожалуй, самая простая и самая распространённая реакция интеллектуала на вызовы внешнего мира, полного невежества, агрессии, глупости, насилия, антиинтеллектуализма, фанатизма и тяги к простым ответам на сложные вопросы. И вариантов такого ухода или бегства за тысячелетия интеллектуалы предложили великое множество – от самых примитивных, до самых изысканных и возвышенных.

Самым интересным и, пожалуй, нетипичным ответом для интеллектуалов стало создание *альтернатив*. Об этом хотелось бы поговорить отдельно. Но здесь для нас принципиально важно отметить факт попыток создать альтернативные формы социальной организации – то, что выпадало бы из самого пространства «власть – оппозиция», в том числе и в виде «отказа, ухода и бегства» от этого пространства.

Это – попытка создать альтернативные модели не только в виде литературных Утопий от Томаса Мора, Сирано де Бержерака или Фрэнсиса Бэкона – до *Касталии* Германа Гессе, «*Основания*» Айзимова и миров Стругацких или Станислава Лема, но и в прямых, вроде бы таких не свойственных интеллектуалам попытках, как создание собственных сообществ, претендующих на статус «независимого альтернативного социального пространства» (почти мини-универсума).

3. Интеллектуалы и «бунт толп».

«Нет, массы не были обмануты, в тот момент они жаждали фашизма!»

В. Райх, «Психология масс и фашизм»

«В интеллектуальную жизнь, которая по самой сути своей требует и предполагает высокие достоинства, все больше проникают псевдоинтеллектуалы, у которых не может быть достоинств; их или просто нет, или уже нет».

(...)

"Сомневаюсь, чтобы в истории нашлась еще одна эпоха, когда бы массы господствовали так явно и непосредственно, как сегодня. [...] То же самое происходит и в других областях жизни, особенно в интеллектуальной".

Хосе Ортега-и-Гассет

«Восстание масс» / «Мятеж толп»

Вопрос о взаимодействии интеллектуалов с массами особенно остро встал именно в XX веке, в эпоху «тотализации» власти и формирования тоталитарных режимов, претендующих на полное, тотальное подчинение себе не только действий и образа жизни, но – и прежде всего – самой мысли (!), – того, чем, собственно, только и владеет истинный интеллектуал, и что для него важнее любой собственности.

Именно тотальные государства, как никакие другие до того, даже самые милитаристские, дикие или основанные на религиозном фанатизме, вызвали к жизни новую позицию интеллектуала. Прежде всего потому, что такие государства были порождены этими самыми «массами», - вопрос о взаимодействии интеллектуала с массами здесь в каком-то смысле первичен.

И если в прошлых столетиях он был «над массами», с одной стороны, как бы слегка презирая «чернь», с другой – выражая её интересы и возвышая голос от имени тех, кто был безгласен, то - в период «бунта толп» («восстания масс») все перевернулось. Отныне масса сама начала конструировать культуру по своему образу и подобию, и перестала нуждаться в интеллектуалах как в «производителях культуры». Массе вполне стало достаточно и тех, кто добровольно перестал быть «независимым интеллектуалом» и перешёл в ряды «обслуживания толп» - опосредованно через власть – или непосредственно. И это как раз вовсе не «просветители», пытавшиеся нести свой и чужой «интеллектуальный продукт» в массы, выполняя свою прямую и основную функцию, это – те, кто решил, что массам нужен иной – «массовый продукт культурного потребления», который легко употребляется толпами, сравнительно легко производится и – главное – не только приносит прибыль, но порождает искренний восторг и почитание этих самых толп – то, о чём всегда втайне мечтают все интеллектуалы!

Таким образом, часть интеллектуалов оказалась поглощена и переварена «массой», а часть – выкинута за пределы ойкумены, не нужная ни власти, ни обществу, лишь – самим себе да своим собратьям. И эта маргинальная часть интеллектуалов выбрала два пути – жизнь в состоянии «интеллектуального самоудовлетворения» (ещё один вид ухода) или решительное сопротивление – всеми средствами и формами: от текстов и социального творчества – до вооружённого сопротивления в условиях фашистских и тоталитарных режимов, принятых, поддержанных, а иногда и возвращенных самими «толпами», - толпами, ставшими в конечном счете жертвами собственного выбора...

И это сопротивление стало одной из форм Альтернативы для интеллектуалов XX столетия (важно, что была не «оппозиция», а именно форма «альтернативы»!). При этом интеллектуалы сражались не только и не столько за себя, сколько за каждую отдельную личность, составившую эти «толпы» и проглоченную этими «толпами». Тем не менее, сама система отношений интеллектуалов и массы – уже не «над», а - «вне-чтобы-внутри» и «против-чтобы-за», - претерпела коренные изменения.

4. Интеллектуалы в новой роли: ресурс и контроль.

«Наши права не предполагают наших обязанностей. Напротив – они предполагают обязанности со стороны других.

*А вот от нас они требуют **ответственности**. В том числе – ответственности в осознании Человеческого Достоинства и необходимости его утверждения и защиты в каждом нашем действии».*

А.Г.

«Именно борьба идей друг с другом и определяет Будущее!

От того, какие идеи мы предлагаем в противовес идеям и идеологиям расизма, капитализма, колониализма, фундаментализма - зависит наше будущее...»

Густав Матьен, французский интеллектуал

Интеллектуалы до сих пор обладают необъятным ресурсом. Значительно большим, чем все запасы газа, нефти или урана на нашей планете. И до сих пор они, свободно передавая его в пользование всего общества (в т.ч. власти), позволяют этому ресурсу не только не истощаться, но приумножаться.

Тем не менее, ни многие интеллектуалы, ни остальное общество во многом не осознают ни возрастания степени ответственности интеллектуалов за производство этого ресурса в XXI веке, ни тех *прав*, что возникают в результате появления любой *ответственности*.

Это – естественное право тех, кто предоставил своё ресурс в пользование другим. Это право налогоплательщиков знать, куда идут их налоги. Это право избирателей знать, что делают выбранные ими «представители». Это право тех, кто создаёт материальные блага участвовать в управлении производством и распределении этих благ. И это право «производителей интеллектуального продукта» контролировать то, как этот продукт используют государства, народы, власти, сообщества и отдельные «свободные потребители».

Таким образом, если интеллектуалы ещё не исчезли и по-прежнему готовы быть производителями самого ценного, присущего только человеку и человечеству, «интеллектуального продукта», то мы, всё общество, должны смириться с их *естественным правом на контроль за использованием этого продукта* – не с правом распоряжаться, распределять или запрещать, а с правом осуществлять контроль – не больше, но и не меньше!!!

5. Интеллектуалы: альтернативы и утопии.

«59. Драконы любят, когда для них строят замки.
Замки бывают восхитительные...»

Ян Словик.

«Трактат о Драконах».

Книга 1. «Драконология»

Создание «альтернативных социальных пространств» всегда занимало интеллектуалов и как «литературная утопия», и как социальная практика. Это не только Академия Платона (и как жалкий отблеск – Академия во Флоренции), или Университеты и Школы в средневековых городах. Это не только независимые учебные, научные и даже религиозные организации. XIX и XX век предложил интеллектуалам совершенно новые типы **альтернатив** – вне власти и бизнеса – так называемые некоммерческие/неправительственные организации (НКО/НПО) и «социальные движения». Или, если хотите, независимые «гражданские группы», иногда – локальные и региональные, иногда – принципиально международные и даже всемирные. Речь идёт принципиально НЕ о партиях или других политических организациях и НЕ о религиозных организациях, – ибо и те и другие во многом являются формой власти – в широком смысле «репрессивного подавления индивида», а о группах, противостоящих любым посягательствам со стороны власти и осуществляющих не столько «благотворительность и культурные инициативы», сколько *сопротивление* экспансии власти против отдельной личности, и гражданский контроль за отдельными структурами власти – от тюрем до школ, от спецслужб – до корпораций.

Именно интеллектуалы породили концепцию «гражданских групп и организаций» и идею «независимых структур гражданского общества» – как неких систем, способных вносить хоть какой-то элемент справедливости и прозрачности в омут, где государственная власть, окончательно перемешавшись с властью корпоративно-коммерческой, сделала пространство мутным, затхлым и дурно пахнущим.

И именно интеллектуалы стали первыми «диссидентами» и «правозащитниками», а также «революционерами нового типа» (Сартр, поколение-68, движение за падение Берлинской стены, миротворцы и др.), заявив о необходимости защиты любого разнообразия и любой «инаковости» от тотальных претензий власти государств и власти толп подчинить себе любую социальную, интимную и интеллектуальную жизнь, подавить «достоинство отдельной личности» и утвердить так называемую «демократию» как способ при помощи манипуляций большинством растаптывать любое меньшинство – вплоть до концентрационных лагерей и печей Аушвица (мы здесь, естественно, не говорим о «подлинной демократии», которой еще пока практически никто и нигде не видел).

«Права Человека» и идея «правозащитной организации» возникли как инструмент, способный уберечь меньшинство и отдельную суверенную личность от возможностей большинства делать с ней всё, что большинству захочется. И эта идея, в принципе, как бы «право-либеральная», так хорошо легла на идеи «левых интеллектуалов», что смогла объединить независимых интеллектуалов всех политических «ориентаций», защищающих суверенитет личности, на единой платформе «Прав Человека», позволила оставить где-то в стороне социально-политические разногласия и сформировать не только «интеллектуальную платформу» для размышлений о Праве и о Человеке, но и энергию для действий в современном мире, где в ином случае уже почти и не осталось бы места ни для справедливости, ни для свободного интеллектуального поиска.

Именно интеллектуалы – и Востока и Запада - сделали правозащитную идеологию действенной силой, которую уже потом научились использовать политики, государства и прочие «официальные структуры» (иногда – в своих целях), – именно поэтому тем важнее, чтобы интеллектуалы не отдали это поле «действующим политическим силам», не оставили его, но продолжили его развитие в направлении Свободы, Права (противостоящего силе и насилию, прежде всего – со стороны власти) и уважения к Человеческому Достоинству.

Задача интеллектуалов XXI века – выдвинуть **новые альтернативы**, но – одновременно – не потерять старые, не забыть о них, не позволить им превратиться в собственную противоположность благодаря воздействию тотального и всепроникающего поля власти.

6. Интеллектуалы – между фундаментализмом и гуманизмом.

«Нас мало, бдящих в ночи над спящими, с нами беседуют звезды...»

Нас мало среди мирных городских жителей, на наших плечах тяжесть города... Нас мало, мы за всех несем общий груз, мы на пограничье, нас обожгла боль, и мы выгребаем к восходу, мы – дозорные на вахте, застывшие в ожидании ответа на немой вопрос...»

А. Сент-Экзюпери

«Цитадель»

Мир, как и в прошлые века, по-прежнему пребывает в состоянии войн. Но главной из этих войн является вовсе не битва «добра» со «злом», «коммунизма» с «капитализмом», «антифашизма» с «фашизмом», «востока» с «западом», «севера» с «югом», «порядка» с «хаосом» или «госбезопасности» с «терроризмом». Это – древняя битва, в которой именно интеллектуалы – ещё с тех времён, когда они так не именовались и именоваться не могли – участвуют как никто иной; это сражение «фундаментализма» и «гуманизма». Такой вывод может показаться не просто наивным, а даже несколько пошловатым, если, конечно, не осознавать, что как раз во всех них, перечисленных выше «битвах», мы наблюдаем противоборство между одним фундаментализмом и другим. И, видимо, мир окончательно предстал перед нами в виде дерущихся фундаментализмов, где армии государств ведут себя ничуть не гуманнее террористов, а «сторонники прогресса» грозят «сторонникам мракобесия» ужесточением карательных мер, смертными казнями и ядерными бомбами.

На рубеже второго и третьего тысячелетия, как никогда прежде, обозначилось противостояние вовсе не персон – «фундаменталистов» и «гуманистов» – наоборот (!) – люди вдруг почти перестали быть носителями какой-то одной позиции: и силы гуманизма, и силы фундаментализма, – проходя через каждого человека, каждую семью, каждую социальную структуру, каждую страну, – обозначили эту невидимую битву взрывом невероятной энергии и ярости, которая, кажется, действительно потрясла Вселенную. И если в происходящем мы можем увидеть прежде всего всплеск пробуждающихся фундаментализмов невероятной силы и агрессии, то этому же всплеску всё-таки соответствовало и некоторое пробуждение гуманизма, которое станет нам заметно несколько позже.

Если вспомнить книги и западных, и «восточных» фантастов 1950-60-х и сравнить их описания рубежа тысячелетий с тем, что мы видим сейчас, может показаться, что человечество куда-то свернуло с дороги развития и заехало в чудовищный тупик. Никто не хотел и не мог тогда предполагать, что в начале нового тысячелетия будут вестись фанатические религиозные войны, политики будут осуществлять свою власть столь же примитивным и жестоким способом, как в прошлые века, люди перестанут читать, а Космос станет не новым домом человечества, а исключительно сферой военных и коммерческих интересов.

Что это значит? Гуманизм проиграл? Нет.

Потому что гуманизм – это не идеология. Это очень своеобразный способ подхода к миру, тип мировоззрения, который вовсе не предполагает отказа от чётких и очень определённых принципов, и даже знания «истины», – он лишь отказывается от монополии на эту истину и на готовность утверждать эту истину всеми возможными средствами. Гуманизм – это очень простой отказ принимать «простые и понятные ответы», доступные любому представителю «толп», на сложные запросы сверхсложного современного мира. «Если вы знаете простой ответ на вопрос об очень сложной системе, знайте – он изначально неверен». Но принять, что в современном мире нет простых решений, что мир стал (да и всегда был!) столь сложен, что грубые и простые решения уже давно не применимы, – на это нужно истинное мужество. Как нужно истинное мужество, чтобы принять, что рядом с нами живут не простейшие существа с элементарным набором желаний, инстинктов и простых интересов, а люди с богатым внутренним миром, способные на глубокие переживания и совершенно неожиданные, иногда – необъяснимые духовные поступки. Видимо, гуманизм действительно смешон и старомоден,

но... только он способен привести нас к системному мышлению – то есть к попытке найти сложные ответы на сложные вызовы, а значит – только он способен дать нам шанс выжить.

Фундаментализм – это не глобальное зло, и в каком то смысле вообще не зло. Это всего лишь желание искать простые ответы на сложные вопросы. Это когда у нас заранее есть ответ на все вопросы, и – монополия на истину. А те, кто не готов эту истину признать, пусть пожалеют об этом: при «мягком фундаментализме» они становятся маргиналами и диссидентами, при жёстком – узниками и мертвецами.

Сложностью гуманизма является ещё и то, что он сам балансирует между «всемирностью и всеприемлемостью» (чуть ли не отказом от любой принципиальной позиции) и определённым «интеллектуальным фанатизмом» (готовностью защищать свои идеи – порой даже ценой собственной жизни, - своеобразной разновидностью «принципиального фундаментализма»). Но именно в этом балансе, в этой его внутренней сложности – ещё один залог его силы.

Сегодня именно интеллектуалы, как никто иной, чувствуют, что гуманизм потихоньку сдаёт свои позиции и – одновременно изо всех сил пытается сопротивляться наступлению всеобщего «фундаментализма» – религиозного, расового, политического, военного, идеологического.

Именно интеллектуалы, не смотря ни на что, пытаются – совершенно бессистемно, разрозненно и спонтанно – сформировать это новое движение Сопротивления, способное противостоять «фундаментализмам», помня при этом, что сами не свободны от этого вируса, а потому их попытки кажутся им самим ещё более безнадёжными.

И, тем не менее, не видно никого, кто, кроме «последних интеллектуалов вселенной», затерявшихся в окопах современных смысловых войн, мог бы поднять знамя гуманизма и хотя бы обозначить: «Мы – здесь! Кто думает и чувствует, как мы, – сюда! Нас так мало, что мы не способны организовать серьёзное сопротивление, но мы способны достаточно долго удерживать полуразрушенный форт, на котором мы подняли наше знамя!»

7. Интеллектуалы на пути к гуманитарияту.

*«... мой конь оступился и мы стали тонуть,
положение было отчаянным, нужно было
выбирать - погибнуть, или спастись!*

-Ну и что же вы выбрали?!

-Угадайте.

...

Я решил спастись!»

Григорий Горин / Марк Захаров

«Тот самый Мюнхгаузен»

Социальные движущие силы истории меняются. На смену рыцарям и духовенству приходят «городские сообщества», «цивилизации». Появляется буржуазия. На некоторое время её сменяет пролетариат. Затем – технократия и менеджерократия (и во власти, и в бизнесе, и в псевдо-автономных структурах). Отчасти – «информариат», контролирующий информационные пространства и сети – от компьютерных программ и баз данных – до интернета и масс-медиа.

Кто может прийти следом? Есть ли хоть кто-то, чья «картина будущего» покажется более-менее привлекательной хотя бы для наиболее активной и образованной части общества? И может ли эта программа будущего также учитывать интересы меньшинств и всех остальных общественных групп?

Да. Это – «гуманитарият». Это не просто «гуманитарии», не просто «интеллектуалы» («независимые производители интеллектуального продукта»). Это – те из них, кто, во-первых, остался «независимым интеллектуалом». Кто, во-вторых, является носителем не только знаний, но духа поиска истины, а значит – гуманизма, определённых и достаточно чётких «гуманитарных принципов», которые он не готов променять на социальные статусы, но также и не готов позволить им начать тотально «захватывать социум», превращаясь в собственные противоположности фундаменталистского типа. И в-третьих – те, кто отчасти готов преодолеть то самое «во-первых» и немножко пожертвовать своей независимостью ради контактов друг с другом, ради совместного создания утопий и альтернатив, ради попытки начать «альтернативное социальное строительство» – с одной стороны - «вне» (вне *этих* правил игры), но с другой стороны – не «уходя» из социального мега-пространства.

Кстати, несколько слов об «интеллигенции». А это-то что за зверь, так долго живший в России и в Союзе? И какое он имеет отношение к «интеллектуалам»? Прямое и – почти никакого. Сама по себе интеллигенция не может выступать в роли интеллектуалов – она скорее является постоянным и верным потребителем и транслятором продукта, созданного интеллектуалами. Но именно она, ее ошметки и остатки, способны помочь интеллектуалам выжить и даже вернуть себе роль лидирующей группы. Если, конечно, она еще жива и способна на это...

Сможет ли возникнуть «Гуманитарият»? Способны ли «независимые интеллектуалы» к взаимодействию? Могут ли они предложить нам альтернативы, показывая возможности социального развития человечества? Да, безусловно. Это уже начало происходить. Слишком медленно. Слишком незаметно. С большими отступлениями и грандиозными поражениями.

Возвращаясь к самому началу наших рассуждений, можно снова поставить вопрос – а остались ли эти самые «интеллектуалы», которые должны сформировать «гуманитарият»? Мы, многие из нас – пока (или уже) не «интеллектуалы». Мы – «полу-интеллектуалы» и даже «четверть-интеллектуалы». Но других-то «нас» у нас нет. И в этом смысле – нам снова предстоит выбор. И не один.

Но есть одна простая вещь, которая делает формирование гуманитарията неизбежным - у интеллектуалов нет выбора: они либо окончательно маргинализируются и вымрут в условиях современной структуры власти в социуме, либо – просто в силу законов самоорганизации сложных систем – смогут соорганизоваться и начать активно действовать.

Сама история человечества делает этот процесс неизбежным – иначе само человечество перестанет быть тем, чем оно вроде бы пытается являться. Иначе утратятся сами важные и самые ценные приметы Человека.

Но у нас нет времени ждать. Мы уже сегодня должны осознать свою роль и стать тем, кем мы ещё, быть может, не являемся – гуманитарием.

Тем, чем, рано или поздно, должна стать значительная часть человечества.

Не больше и не меньше!